

УДК 94 (470+571) «1918-1922»

Интервенция в советской России глазами интервентов (1918-1922 гг.)

Кургузов Владимир Лукич

Доктор культурологии,

кандидат исторических наук, профессор,

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
670013, Российская Федерация, Республика Бурятия, Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40-А;

e-mail: vlkurguzov@rambler.ru

Аннотация

События в России в октябре 1917 года не могли оставить равнодушными мировое сообщество. Англия, Франция, США и Япония составили основные ударные силы, которые организовали военную интервенцию против вновь организованного коммунистического государства. Особенно агрессивной была интервенция в районах Сибири и Дальнего Востока. Этим событиям посвящено содержание статьи, которая написана на основе уникальных источников: записок начальника корпуса английских интервентов, полковника Джона Уорда и книги командующего американскими силами интервентов, генерала В. Грэвса «Американская авантюра в Сибири», которая вышла на русском языке еще в далеком 1932 году.

Для цитирования в научных исследованиях

Кургузов В.Л. Интервенция в советской России глазами интервентов (1918-1922 гг.)// «Белые пятна» российской и мировой истории. 2016. № 4-5. С. 20-33.

Ключевые слова

Россия, история, Гражданская война, интервенция, патриотизм, память, забвение.

Введение

Приближающийся юбилей Октябрьской революции 1917 года в России вновь заставляет вспоминать о тех драматических днях нашей истории. Увидев опасность коммунистической угрозы, соседние страны приступили к объединению и вооружению разгромленных сил внутренней контрреволюции в России, а с весны 1918 года начали открытый вооруженный поход против советской России, высаживая свои войска на ее северо-западных, южных и

восточных окраинах. Сибирь должна была сыграть роль плацдарма, с которого и предполагалась нанести решающий удар по советской власти.

Отдаленность Сибири и Дальнего Востока от революционных центров страны, малочисленность пролетариата, скопление бежавших из-за Урала помещиков, чиновников и офицеров, и, наконец, наличие огромных продовольственных и сырьевых ресурсов – все это принималось в расчет интервентами в их выборе восточных районов России в качестве плацдарма.

Интервенция в восточных районах России 1918-1922 гг.: причины и следствия

Всякая переломная эпоха обычно создает обширную мемуарную литературу. Записки, впечатления, воспоминания очевидцев и участников важных событий имеют огромную историческую значимость. Они, конечно, не история, а, лишь материал для истории, но материал, представляющий собой живые краски в изображении исторических событий.

Обратимся к книге Джона Уорда «Союзная интервенция в Сибири 1918-1920 гг. Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника» (Москва-Петроград, 1923)», которая является сегодня библиографической редкостью. «Русский народ остался верен своим друзьям (*союзникам по Антанте – К.В.*), – пишет Уорд, – деморализация и разложение началось с верхов, просочились постепенно до самих низов общества... Германская измена подточила самые верхушки и таким образом разложила великую нацию, которую она никогда не могла завоевать. Расстроив русскую военную машину, Германия послала своих агентов в Россию продолжать беспорядок и предупредить восстановление порядка...» [Уорд, 1923, 169]. Таково наивное представление причин Октябрьской социалистической революции 1917 г., данное Уордом в его записках.

Внимание Уорда не могли не привлечь огромные масштабы партизанского движения, разыгравшиеся в период колчаковщины на всей территории Сибири и Дальнего Востока от берегов Волги и гор Урала – до Камчатки и Чукотки. Как же он его объясняет? По мнению Уорда, партизанское движение состоит из двух элементов: из беглых каторжников, выпущенных большевиками из тюрем, и богатых крестьян, «жадность и ловкость которых, – пишет он, – составляет предмет зависти армян, открыто признающихся, что в торговых сделках русский крестьянин превзойдет еврея в обмане» [там же, 119].

Большевиков Уорд характеризует следующим образом: «Они представляли собой кружок революционеров, связанных общей целью – грабежом и убийством каждого порядочного человека, будь то рабочий или буржуа, если только он отказывался поддерживать политику анархии. Эти 5 или 6 (*курсив наш – К.В.*) определенных злодеев образовали что-то вроде кровавого братства, и, прикрываясь анонимностью, издавали приказы от имени русских рабочих, которым последние не могли сопротивляться, боясь применения грабительского

террора» [там же, 120]. Даже этого парадоксального вывода, я полагаю, достаточно, чтобы усомниться в способности к аналитическому мышлению начальника английского отряда интервентов в Сибири. В другом месте, говоря о русских рабочих, среди которых «нет ни одного достаточно интеллигентного человека, чтобы организовать их и управлять ими», Уорд заявляет: «... профессиональный русский лидер рабочих – анархист и ничего больше» [там же, 58].

Уорд не раз то с горечью, то с гневом повествует о совершенных черносотенными генералами безобразиях, но делает необходимых выводов. Свои главные надежды он возлагает на Колчака и на «честную интервенцию» со стороны союзников, главным образом со стороны Англии.

Для Уорда Колчак – это герой, это великий политический деятель, убежденный демократ и поклонник британской конституции. «Какое счастье – восклицает он на одной из страниц своих записок, – было для России, что в час ее нужды она призвала такого человека!» [там же, 15].

Между тем все, что мы знаем о Колчаке, даже от его ближайших сторонников, говорит о том, что, как писал в своей книге бывший колчаковский министр Г. Гинс «Сибирь, союзники и Колчак», что «Колчак совершенно не был политиком. Это был с головы до ног военный человек, для которого высочайшая государственная мудрость олицетворялась в Уставе о полевом управлении войск» [Гинс, 1921, 39].

Тем не менее, под пером Уорда Колчак выступает выдающимся политиком и полководцем. «Полковник Уорд твердо убежден, что Англия вмешалась в российские дела из самых добрых, альтруистских побуждений. Он, с какой-то детской самовлюбленностью подчеркивает, что сибирское население только в отношении Англии обнаруживало абсолютное доверие, подозревая все остальные державы, участвующие в интервенции, в разных корыстных побуждениях. Он, – как подчеркивает И.М. Майский, – многократно воспеваешь доблести своего батальона, который на своих плечах вынес чуть ли не всю тяжесть борьбы за Колчака во время различных омских переворотов. Он утверждает даже, что именно ему, полковнику Уорду, на банкете в Иркутске в ноябре 1918 г. удалось положить начало «возрождению русской души», приведенной в смятение русской революцией». [Майский, 1923, 10].

В конце концов и Уорд вынужден был признать бездарность членов правительства Колчака: «Мелкие кляузы из-за личного соперничества и прибыльных делишек, – пишет он, – занимают все их время, если они только не заняты свойственным им делом – поступать на зло верховному правителю. Патриотизм офицеров и солдат на фронте и средневековое рыцарство казаков – единственные вещи, оставшиеся для восстановления России» [Уорд, 1923, 16]. Как можно было верить в возрождение России под руководством Колчака? Как можно было строить будущее огромной страны на «патриотизме офицеров» и «рыцарстве казачества»? Не слишком ли это узкая база для создания даже буржуазной государственности? «Здесь, – как отмечает И.М. Майский, – явно вступает в силу та мещанская ограничен-

ность мышления, которую полковник Уорд разделяет с большинством других руководителей тред-юнионов Англии, из среды которых он и сам вышел» [Майский, 1923, 8].

Однако Уорд приподнимает край завесы над одной чрезвычайно важной стороной интервенции: над отношениями между представителями Антанты и Колчаком и взаимоотношениям отдельных держав интервентов на сибирской территории. Эта сторона событий до сих пор еще остается достаточно малоисследованной. Полковник Уорд, благодаря своему официальному статусу, имел возможность знать многое из того, что совершалось за кулисами тогдашних политических и военных событий, и в своих записках изображает эту закулисную часть.

Прежде всего бросается в глаза его сообщение о том, что первый приказ о переброске его батальона из Гонконга во Владивосток, полковник Уорд получил в ноябре 1917 года. О чем свидетельствует этот факт? Прежде всего о том, что планы интервенции родились у британского правительства сразу же после Октябрьской социалистической революции.

Другим не менее интересным моментом является роль именно английской миссии в Сибири и ее главы – генерала Нокса – в колчаковском перевороте 18 ноября 1919 г., когда была свергнута власть эсеро-меньшевистской Директории в Омске. Именно Англии адмирал Колчак обязан своим возведением на трон Верховного правителя Сибири. Не случайно, что наиболее критические моменты он оказывался под защитой английского конвоя и английского флага.

В высшей степени интересны сведения, которые Уорд сообщает об отношениях между представителями различных держав Антанты и Японии и их мотивах участия в интервенции. Наиболее красочно здесь описано поведение японцев на Дальнем Востоке. Прочитируем любопытный эпизод.

Когда Япония высадила свой первый десант во Владивостоке, она обратилась к командующему русскими войсками на Дальнем Востоке Колчаку с предложением уплатить лично ему 150 миллионов рублей золотом (сумма взятки весьма приличная по тем временам), взамен чего тот должен был подписать соглашение, предоставляющее Японии владение всеми береговыми и рыбными промыслами вплоть до Камчатки, аренду на вечные времена всех железорудных копий. Так как командующий возражал, ссылаясь на то, что он не имеет полномочий говорить от имени русского правительства, японцы заявили: «Берите наши деньги и подписывайте соглашение, а риск относительно законности поделим пополам».

Когда в конце 1918 г. во Владивостоке был поднят вопрос об отправке войск на Уральский фронт для поддержки Колчака, то Япония, по словам Уорда, систематически саботировала осуществление этих предложений. Она небезосновательно боялась усиления американского контроля над Восточно-Китайской железной дорогой и в целом, именно на Дальнем Востоке, включая территории Камчатки, Сахалина, Приморья вплоть до Байкала.

Так как Колчак в первый период своего правления ориентировался главным образом на Англию и сопротивлялся японским требованиям на Дальнем Востоке, то токийское пра-

вительство стало поддерживать казачьих атаманов Семенова и Калмыкова в их нежелании подчиняться омскому правительству.

Не менее ценно и то, что автор записок сообщает об отношениях между японцами и англичанами. Особенно в августе-сентябре 1918 г. эти отношения были весьма напряженными. Японцы практически на каждом шагу проявляли свое недоброжелательство по отношению к английским интервентам.

Японские солдаты не отдавали честь английским офицерам. Японское командование заставляло британских полковников ездить в «скотских» вагонах. Японская контрразведка безо всяких оснований задерживала поезда английской миссии. Когда полковнику Уорду потребовались на станции Манчжурия два классных вагона для проезда с Дальнего Востока до Омска, ему пришлось добывать их буквально с помощью оружия. Японцы требовали от него, чтобы он снял английский флаг, – на том основании, что в оккупированном ими районе не допускается никакой иной флаг, кроме японского. «При таких условиях, – как заключает И.М. Майский, – нисколько не удивительно, что в действиях оккупационных властей на Дальнем Востоке не было должного единства ... и что в силу этого, к счастью для местного населения, нажим интервенции сказывался слабее, чем он мог быть» [Майский, 1923, 21].

Ярким примером последнего обстоятельства может служить рассказываемая Уордом история о поведении американских войск на Дальнем Востоке. По словам автора записок, американские войска под командованием генерала Грэвса были присланы во Владивосток не столько для борьбы с большевиками, сколько для наблюдения за действиями японцев в Приморье и Забайкалье. В соответствии с этой задачей американцы, например, объявили Сучанский округ нейтральной зоной, в которую не может переходить ни та, ни другая сторона, и тем самым помогли красным партизанам оправиться от нанесенных им ранее поражений.

Далее американцы вступали в различного рода соглашения с партизанами, заключая с ними договоры и условия, и вообще, к изумлению Уорда, вели себя с ними «как равные с равными».

Эта конкуренция между представителями союзных держав принимала подчас совершенно анекдотические формы. Так, Уорд рассказывает комичную ситуацию с конвоем колчаковского поезда. Колчак отправлялся из Омска на уральский фронт. Полковник Уорд предложил ему дать в качестве конвоя 50 английских солдат. Предложение было принято Колчаком с благодарностью. Но, когда представитель Франции генерал Жаннен узнал о происшедшем, он разгневался на очевидное умаление своего престижа и потребовал, чтобы конвой был составлен поровну из французских и английских солдат. Уорд согласился. Тогда было решено, что каждая из двух держав пошлет для охраны Колчака по 25 человек. Но когда это решение состоялось, Жаннен заявил, что 25 французских солдат у него нет, и что при максимальных усилиях он может командировать только 9 человек. Уорд и тут пошел ему навстречу и, по обоюдному согласию, было решено, что конвой Колчака будет состоять

из 20 человек по 10 человек (включая офицера) с каждой стороны. Однако генерал Жаннен оказался не в состоянии выполнить даже и это взятое на себя обязательство. На вокзал не явился ни один французский солдат, и поезд Колчака так и ушел под одной английской охраной.

Борьба между различными иностранными державами являлась одной из важных характеристик особенностей интервенции. Причем на Дальнем Востоке эта борьба шла между японцами и американцами, а в Омске – между французами и англичанами.

Скрывая поначалу свою истинную роль в организации интервенции в России, интервенты стали обвинять друг друга в неудачно противостоянии советской республике. Французские империалисты стали обвинять англичан, последние стали выкладывать сведения о японцах и американцах, а русская белая эмиграция стала разоблачать самих себя, так что истинную картину восстановить оказалось нетрудно.

Едва ли не одна из самых значительных ролей в этой череде саморазоблачений выпадает на книгу бывшего командующего американским экспедиционным корпусом в Сибири, официального представителя США в ставке Колчака генерала Грэвса «Американская авантюра в Сибири», которая вышла на русском языке в Москве еще в далеком 1932 году.

По уровню аналитики книга Грэвса на несколько порядков выше книги Уорда, хотя и она не лишена отдельных неточностей и просчетов, которые легко объяснить тем, что она писалась кадровым военным, а не дипломатом или ученым-историком. Значение этой книги не в политических выводах автора, а в приводимых им фактах.

Оправдания для американской интервенции в России Грэвс ищет в меморандуме правительства США, подписанного президентом Вильсоном, хотя этот документ насыщен противоречиями. Например: «Ни одно из правительств, принимающих участие в операции в Сибири или на севере России, не имеют в виду интервенцию, направленную против политического суверенитета России, и не стремятся к вмешательству во внутренние дела России или нарушению целостности как теперь, так и в дальнейшем» [Грэвс, 1932, 9]. Но если это не интервенция, то что?

Этот меморандум постоянно подводит автора. В одном месте, он, например, пишет: «Я узнал, что 27-й полк участвовал в объединенных действиях против врага. Врага мне представили в виде большевиков и германских пленных. Я был удовлетворен тем, что американские войска не отступили от той политической линии, которая была продекларирована правительством Соединенных Штатов, и воздержались от какого-либо вмешательства в русские дела» [там же, 42]. На самом деле американские войска вместе с японскими, английскими и белыми отрядами выжигали деревни, расстреливали сотни рабочих и крестьян, подвергали террору мирное население. Десятки страниц посвящает Грэвс упорным доказательствам невмешательства Америки во внутренние дела России, но факты всякий раз выпирают сквозь слова.

Вслед за стереотипной формулой о «воздержании» Грэвс сам же вынужден признать, что генеральный консул Америки Ририс поддерживал Колчака, что представители Америки

полностью следовали за генеральным консулом, что сам государственный департамент, т. е. министерство иностранных дел США, требовал от него прямой поддержки Колчака.

Наконец и генерал Грэвс вынужден был признать: «Я никогда не мог примирить заявлений представителей союзников по вопросу об интервенции в России с действиями их правительств в Сибири...». [там же, 176]. По ходу изложения содержания книги Грэвс понемногу начинает понимать, как расходятся слова деклараций правительства США с делами, которые творились американскими интервентами на территориях России.

«В самом деле, – как справедливо подчеркивает академик Минц в своей вступительной статье к книге Грэвса, – десятки империалистических политиков и идеологов создали легенду о «предательстве» России, заключивших в 1918 г. сепаратный мир с Германией (так называемый – «Брестский мир») и тем самым, как бы отдавшей «союзников» на милость германского абсолютизма. Даже в учебной литературе молодежи настойчиво вдалбливалась мысль о том, что Россия «предала союзников» и именно это «предательство» и заставило союзников «наказать» русских интервенцией. При этом бывшие «союзники» до сих пор стараются замалчивать тот факт, что до поездки нашей делегации в Брест, им несколько раз отправлялось приглашение от Советской России, измученной империалистической и гражданской войнами с внутренней контрреволюцией, с предложением заключить «справедливый и демократический мир». [Минц, 1932, 11-12].

Между тем генерал Грэвс, хотел он этого или не хотел, вскрывает истинные причины, которые заставили «союзников» тщательно скрывать эти предложения Советской России: «Социалистические идеи, – пишет Грэвс, – которых придерживалось советское правительство, были настолько неприемлемы для союзников, что нельзя было ожидать их работы в контакте с Советами, даже в таком важном вопросе, каким был вопрос о продолжении войны» [Грэвс, 1932, 26].

Советская Россия сначала дважды обратилась к «союзникам», призывая их к совместно-му прекращению войны. Предложение демократического мира не носило ультимативного характера, и советское правительство соглашалось принять участие в любых переговорах о мире, но «союзники» не ответили на мирное предложение советской власти именно потому, что уже готовили интервенцию против советской России.

Только 25 декабря 1917 года советская Россия, исчерпав все возможности привлечения «союзников» к мирным переговорам, послала свою делегацию в Брест, но на два дня раньше – 23 декабря – английские и французские империалисты заключили соглашение о разделе сфер влияния в советской России в грядущей интервенции. Текст этого соглашения несколько раз приводился в исторической литературе и печати.

Почему широкомасштабная интервенция началась позже? На переговорах России с Германией наступил кризис после того, как глава немецкой делегации, генерал Гофман, предъявил свой ультиматум советской России. Когда же стало очевидным, что мир в Бресте будет заключен, западные страны активно приступили к организации интервенции в полном объеме.

«Весной 1918 г. – пишет Грэвс, – в то время как союзнические правительства и Соединенные штаты рассматривали вопрос о военной интервенции в России, Англия и Франция поддержкой некоторых группировок на юге России показали, что они не прочь принять участие во внутренних делах русского народа. В то же время Англия и Япония поддерживали стихийные казачьи формирования под предводительством Семенова и Калмыкова, которые заявляли, что они борются с большевиками» [там же, 22].

Вскрыв истинный смысл версии о «предательстве России», Грэвс попутно разоблачил и другую легенду – миф о «Восточном фронте» как основной причине интервенции. Между тем В.И. Ленин много раз разъяснял «левым коммунистам», что продолжение войны с Германией, на которую толкали партию и советскую власть «левые» и Троцкий, ловушка: «... англо-французская буржуазия ставит нам западно: идите-ка, любезные, воевать теперь, мы от этого великолепно выиграем. Германцы вас ограбят, «заработают» на Востоке, дешевле уступят на Западе, а кстати, Советская власть полетит в тартарары... Но мир, – подчеркивал Ленин, – не может быть заключен только сверху. Мира нужно добиваться снизу... Солдаты! Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира» [Ленин, т. 35, 1974, 81-82].

И генерал Грэвс вольно или невольно подтверждает фактами сущность маневра, разгаданного Лениным: «Правительство Соединенных штатов... не было склонно согласиться на какие-либо решительные действия, вроде предложения о создании Восточного фронта, ибо это предложение имело ввиду скорее использовать русский народ, чем помочь ему» [Грэвс, 1932, 25].

Создание так называемого «Восточного фронта» по существу являлось синонимом интервенции, ибо основной задачей этого маневра являлся разгром советской власти. Но почему же отказалась от этой идеи Америка? Академик И. Минц так комментирует это решение: «Отказ Америки организовать «Восточный фронт» – вызванный главным образом нежеланием раздваивать свои силы и боязнью, что плоды победы над большевиками попадут по преимуществу в руки Японии – собственно и решил вопрос: без помощи Америки Антанта не рискнула идти на такое большое предприятие, а против посылки японцев категорически возражала Америка» [Минц, 1932, 13].

«Так как Япония, Франция и Англия, – пишет Грэвс, – были убеждены, что Соединенные штаты не примут участия в военной интервенции в России, то делались попытки выбрать другие планы, которые, – так по крайней мере надеялись. – должны были привести к тому же конечному результату» [Грэвс, 1932, 27]. Этот новый план о начале интервенции состоял в использовании чехословацкого корпуса.

«Надо признать, – пишет И. Минц, – что ни одна из легенд, созданных империалистами для оправдания интервенции, не была обставлена таким огромным количеством аргументов и доводов, как легенда о чехословаках. Тут и показания самих чехословаков, тут и огромная литература, – книги, газеты, документы, английские, французские и даже японские. Все

одинаково дружно доказывали, что угроза советской власти разоружить чехословаков собственноручно и вынудила империалистов выступить на защиту поправленных прав чехословаков» [Минц, 1932, 13].

Генерал Грэвс в своей книге устанавливает исчерпывающий предел, распространению этой легенды, приводя данные, вскрывающие всю подготовку чехословацкого переворота.

В частности, Грэвс пишет о том, что 29 мая 1918 г. американский полковник Эмерсон, изучавший состояние железных дорог в Сибири, получив сведения о каких-то беспорядках в городе Мариинске, выехал туда для расследования инцидента на месте. В Мариинске полковник вел переговоры с капитаном чехословацких войск Кедлетом. На вопрос Эмерсона о причинах захвата Мариинска, – а беспорядки в том и состояли, что чехи разогнали Совет и захватили город, – капитан Кедлет в короткой попытке увильнуть от прямого ответа заявил следующее, что и было застенографировано: «Капитан Кедлет признал, что он и другие начальники чешских эшелонов получили из Пензы инструкции остановиться там, где их застанут эти инструкции, и захватить эти города, что действие явилось согласованным выступлением и что руководство этой операцией находилось в Ново-Николаевске (*ныне Новосибирск – К.В.*) [Грэвс, 1932, 31-32].

По дороге полковнику Эмерсону попадались чехословацкие отряды, занимавшие города, разрушавшие мосты и туннели. Полковник знал к кому обратиться: он обратился к французам и только после этого к командиру чехословаков генералу Гайде, да и то не с объяснениями, а с просьбой помочь ему в восстановлении дорог. Вот как записал ответ генерала американский полковник: «Генерал Гайда заявил, что как только образуется новое правительство, оно ликвидирует Советы, и тогда не будет надобности разрушать мосты и туннели» [там же, 34]. Гайда в годы Второй мировой войны станет вождем чешских фашистов.

Чехословацкий корпус выступил против Советской власти по строго разработанному плану, и Грэвс далее подтверждает это: «23 июня Эмерсон получил от французского майора Гинэ, отправившегося в Омск, следующее сообщение: «Французский посол уполномочивает майора Гинэ от имени всех союзников поблагодарить чехословаков за их действия. Они, союзники, в конце июня приняли решение об интервенции; чехословацкая армия и французская миссия должны составлять авангард армии союзников. В ближайшее время будут даны указания об оккупации и организации, как с политической точки зрения, так и с военной» [там же, 37].

Но Франция не могла принять одна такое ответственное решение, она действовала в данном случае при полной поддержке других союзников. Затративший столько усилий на доказательство невмешательства Америки генерал Грэвс в конце концов вынужден признать, что санкция на выступление чехословаков была дана также и Америкой.

Бесхитростное изложение фактов генералом Грэвсом разоблачает один за другим мотивы интервенции, канонизированные официальной империалистической прессой. Обескура-

женный результатами своих собственных разоблачений, Грэвс снова и снова и снова обращается к меморандуму Вильсона. Выход России из войны, Восточный фронт, разоружение красными чехословаков, участие германских военнопленных в частях Красной армии, – все эти мотивы, фигурирующие в его меморандуме, им самим же признаны ложными, и Грэвс, хотя и нехотя, осторожно, но выдает, наконец, то, что уже стало общим местом в отечественной исторической литературе: «Мой недостаточный опыт в международных делах сначала заставлял меня слишком доверять заявлениям представителей различных наций. Представители Англии, Франции и Японии, обсуждая в частных беседах цели интервенции в России, подчеркивали необходимость предупредить распространение большевизма на Дальнем Востоке». [там же, 15].

Далее Грэвс рассказывает о том, что видел собственными глазами. Американские войска были разбросаны по огромной территории от Архангельска до Владивостока. Инспектируя части, расположенные в Сибири и на Дальнем Востоке, часто на станциях и в деревнях он наблюдал жизнь всего населения, а занимаемая им позиция позволяла наблюдать и всю внутреннюю жизнь колчаковщины, семеновщины и калмыковщины.

Союзники, охраняя тыл Колчака, сохраняли прежде всего железные дороги. Кстати сказать, их «охраной» были заняты 72 тыс. японцев, 10 тыс. американцев, несколько тысяч англичан, французов, итальянцев, поляков, румын, до 60 тыс. чехов, – словом, более 150 тысяч интервентов не только охраняли тыл, но и освобождали Колчака от необходимости держать свои войска вдоль сибирской магистрали. Союзники полностью снабжали армию Колчака оружием и обмундированием, а под их прикрытием колчаковцы развернули дикую картину произвола. Зачастую сам Грэвс приходит в ужас. Вот, что, например, он пишет об атамане Калмыкове: «Здесь, в Хабаровске, я впервые встретил этого знаменитого убийцу, разбойника и головореза Калмыкова. Калмыков был самым отъявленным негодяем, которого я когда-нибудь встречал, и, я серьезно думаю, что, если внимательно перелистать энциклопедический словарь и посмотреть все слова, определяющие различного рода преступления, то вряд ли можно будет найти такое преступление, которого бы Калмыков не совершал» [там же, 67].

Грэвс спешит подчеркнуть, что Калмыков был целиком на содержании у японцев, которые снабжали его финансами и оружием, но дальше приводит данные о других сподвижниках Колчака, терроризировавших население. Население Сибири делилось на два лагеря: царисты, – круг сподвижников Колчака, – и большевики, к которым были отнесены все те, которые не попали в лагерь избранных.

Что происходило с этой второй категорией сибирского населения, можно видеть хотя бы из тех фактов, которые приводит сам Грэвс: выжигание деревень, убийство мирных граждан, дикое самоуправство. Грэвс приводит ряд официальных документов, в том числе знаменитый приказ колчаковского генерала Розанова о расстреле каждого десятого в селах, где побывали красные партизаны, и полном уничтожении селений, оказавших сопротивление колчаковцам.

Но Грэвс в пылу разоблачений всех и всякого скрыл факты поведения самих американцев. Однако история сохранила память о них. Страшные воспоминания оставили о себе американские интервенты у жителей забайкальского села Андриановка, где произошла расправа с 1600 русскими рабочими и крестьянами в таежной пади Тарская.

Американские оккупанты жили в Андриановке в двух больших зданиях – в школе и в доме № 33, где раньше располагался кондукторский резерв. Житель этого села Г.Сокольников вспоминает: «1 июля 1919 года на станцию Андриановка прибыл большой эшелон. В вагонах находились люди, привезенные сюда на казнь. Эшелон долго стоял на станции. Жители слышали стоны и вопли замученных людей. Затем вагоны отправили в Тарскую падь, где и произошла кровавая расправа... Особенно потрясла его смерть женщины с ребенком. Когда ее подвели к краю могилы, и она увидела всю страшную картину, она закричала:

– Палачи! Проклятые убийцы!

Семеновский офицер, стоящий рядом с Морроу, выстрелил в нее из револьвера. Она упала в яму, и тут раздался душераздирающий крик. Ребенок упал на тело убитой матери и закричал. Асеев увидел, как Морроу наклонился к офицеру и что-то ему сказал. Офицер подбежал к ребенку и выстрелил» [Трагедия села..., 1952].

Еще один очевидец этой страшной казни А. Большухин говорил: «Трупы тех, кто пытался спастись бегством, несколько дней лежали возле самой могилы. Врач из американского Красного Креста три дня не разрешал закапывать тела замученных людей» [там же].

2 сентября 1918 года в российский город Троицкосавск (ныне – Кяхта) торжественным маршем вошли отряды белогвардейцев и интервентов в лице белочехов, встреченные хлебом-солью кяхтинскими купцами. Как отмечает современный краевед А.Л. Кузькин, «Обманутый отряд интернационалистов – около 1000 человек (большой частью это были венгры), сложил оружие, т. к. атаман Семенов обещал отправить их через Монголию на Родину. Всю первую ночь в слободе шли гуляния офицеров и купцов, которые сопровождались китайскими фонариками, салютами, фейерверками» [Кузькин, 2015, 30-31]. В эту же ночь в Красных казармах были расстреляны все интернационалисты.

А.Л. Кузькин отмечает, что «С сентября 1919 года – сюда стали поступать заключенные с колчаковских «эшелонов смерти», идущих с Урала и западной Сибири. Именно Колчак и никто другой, отступая под ударами Красной армии, приказал всех пленных эвакуировать на восток. Часть пленных и была доставлена в Красные казармы» [там же, 31]. Когда же по Забайкалью широко развернулось партизанское движение, атаман Семенов распорядился ликвидировать всех узников тюрем и застенков, не только в Кяхте, а по всему Забайкалью. И вот, с 26 декабря 1919 года по 9 января 1920 года произошла величайшая трагедия, которая вошла в историю Гражданской войны под названием «Троицкосавской». За 14 дней самыми зверскими методами в Красных казармах было уничтожено более 1500 человек. Большинство арестантов Красных казарм было расстреляно большими группами. В краеведческом музее города Кяхта есть фамильный список 640 человек, узников кяхтинской

тюрьмы. После расправы над заключенными семеновцы сдали город китайским интервентам, вошедшим в Троицкосавск 14 января 1920 года.

Заключение

Стоит ли удивляться тому, что под впечатлением всего происходящего Грэвс приходит к выводам, оправдывающим партизанское движение против Колчака и иностранных интервентов. «Во всех странах мира, – пишет он – будь то страна цивилизованная или нецивилизованная, население всегда принимает все возможные меры самозащиты от подобного рода бесчеловечного и жестокого обращения» [Грэвс, 1932, 18]. Именно подобные разоблачения делают книгу генерала Грэвса, я полагаю, одним из самых значительных документов по истории интервенции в нашей стране.

Библиография

1. Асеев П.Е. Памяти павших // Забайкальский рабочий. 1952. 10 июля.
2. Гинс Г. Сибирь, союзники и Колчак. Харбин, 1921. 185 с.
3. Грэвс В. Американская авантюра в Сибири. М., 1932. 218 с.
4. Кузькин А.П. По улицам Кяхты исторической. Путеводитель. Кяхта, 2015. 167 с.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. М., 1974. 600 с.
6. Майский И.М. Предисловие // Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири 1918-1920 гг. М.-Петроград, 1923. С. 7-23.
7. Минц И. Предисловие // Грэвс В. Американская авантюра в Сибири. М., 1932. 218 с.
8. Трагедия села Андреановка // Забайкальский рабочий. 1952. 10 июня.
9. Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири 1918-1920 гг. М.-Петроград, 1923. 247 с.

Intervention in the Soviet Russia as viewed by the interventionists (1918-1922)

Vladimir L. Kurguzov

Doctor of cultural studies, PhD in history, professor,
East Siberian State University of technology and management,
670013, 40-A Klyuchevskaya st., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russian Federation;
e-mail: vlkurguzov@rambler.ru

Abstract

Events in Russia in October 1917 could not leave the world community to be indifferent. Britain, France, the USA and Japan formed the main strike forces that organized military intervention against the newly organized communist state. Intervention in areas of Siberia and the Far East was particularly aggressive. These events are dedicated to the content of an article based on unique sources: notes by the Chief of Staff of the British Interventions Colonel John Ward and the book by the US Intervention Force Commander, General W. Graves, *America's Siberian Adventure*. Siberia should have played the role of a springboard, from which it was supposed to strike a decisive blow to Soviet power. The struggle between different foreign powers was one of the important characteristics of the intervention's characteristics. Moreover, in the Far East, this struggle went between the Japanese and the Americans, and in Omsk – between the French and the British. Hiding at first its true role in organizing intervention in Russia, the interventionists began to blame each other for failing to confront the Soviet republic. The French imperialists began to blame the British, the latter began to spread information about the Japanese and the Americans, and the Russian white emigration began to expose themselves. On the level of the analyst, Graves' book is several orders of magnitude higher than Ward's book, although it's not deprived of some inaccuracies and miscalculations that can easily be explained by the fact that it was written by a military officer, not a diplomat or historian.

For citation

Kurguzov V.L. (2016) Interventsiya v sovetskoi Rossii glazami interventov (1918-1922 gg.) [Intervention in the Soviet Russia as viewed by the interventionists (1918-1922)]. *"Belye pyatna" rossiiskoi i mirovoi istorii* ["White Spots" of the Russian and World History], 4-5, pp. 20-33.

Keywords

Russia, history, civil war, intervention, patriotism, memory, oblivion.

References

1. Aseev P.E. (1952) Pamyati pavshikh [In memory of the fallen]. *Zabaikal'skii rabochii* [Zabai-kalsky worker], 10th Jul.
2. Gins G. (1921) *Sibir', soyuzniki i Kolchak* [Siberia, allies and Kolchak]. Harbin.
3. Graves W. (1931) *America's Siberian Adventure (1918-1920)*. New York: Peter Smith Publishers (Russ. ed.: Graves W. (1932) *Amerikanskaya avanturya v Sibiri*. Moscow).
4. Kuz'kin A.P. (2015) *Po ulitsam Kyakhty istoricheskoi. Putevoditel'* [On the streets of historical Kyakhta. Guidebook]. Kyakta.

5. Lenin V.I. (1974) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works], vol. 35. Moscow.
6. Maiskii I.M. (1923) Predislovie [Foreword]. In: Ward J. (1920) *With the "Die-Hards" in Siberia*. London: Cassell And Company (Russ. ed.: Ward J. (1923) *Soyuznaya interventsiiya v Sibiri 1918-1920 gg.* Moscow-Petrograd), pp. 7-23.
7. Mints I. (1932) Predislovie [Foreword]. In: Graves W. (1931) *America's Siberian Adventure (1918-1920)*. New York: Peter Smith Publishers (Russ. ed.: Graves W. (1932) *Amerikanskaya avanturya v Sibiri*. Moscow).
8. Tragediya sela Andreanovka [The tragedy of Andranovka village] (1952). *Zabaikal'skii rabochii* [Zabaikalsky worker], 10th Jun.
9. Ward J. (1920) *With the "Die-Hards" in Siberia*. London: Cassell And Company (Russ. ed.: Ward J. (1923) *Soyuznaya interventsiiya v Sibiri 1918-1920 gg.* Moscow-Petrograd).